

Лидия Чарская

Мотылек

Лидия Чарская

Мотылек

«Public Domain»

1918

Чарская Л. А.

Мотылек / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1918

Последняя публикация Чарской, повесть «Мотылек», так и осталась неоконченной, журнал «Задушевное слово», в котором печаталось это произведение, закрылся в 1918 году.

© Чарская Л. А., 1918

© Public Domain, 1918

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Лидия Алексеевна Чарская

Мотылёк

ГЛАВА I

Птичка выпорхнула из гнезда

Мама перекрестила дрожащей рукой Шуру, и произнесла, глотая слезы:

– Ну, с Богом, детка моя! Пиши почаще, нас, стариков, не забывай.

– Помни одно: не делай ничего такого, что могло бы смутить твой покой... Нет ничего лучше, как иметь чистую совесть и сознавать свою правоту, – прибавил папа и также благословил и обнял Шуру. Потом, резко отвернулся и что-то уж очень подозрительно долго сморкался, пристально глядя на паровоз.

Шура Струкова, дочь скромного уездного чиновника, шестнадцатилетняя девушка, со свежим миловидным круглым лицом и ясными, искрящимися карими глазами, через силу улыбалась, сквозь слезы.

Она была похожа на девочку в своем гимназическом коричневом платье, оставшемся еще от прошлого года и теперь надетом ею в дорогу. Толстая длинная русая коса пускалась у неё ниже пояса, оттягивая назад маленькую головку. А непокорные завитки мелких кудрей красиво обрамляли привлекательное личико Шуры.

Только лишь нынешней весной Шура окончила гимназию и теперь ехала в Петроград поступать на педагогические курсы.

Вся семья Струковых, не исключая и старой няни Матвеевны и Шуриного друга детства – Евгения Николаевича Вяземцева, пришли проводить девушку на вокзал.

– Ты кошелек-то, кошелек береги, Шуринька, шутка ли сказать – экую уйму деньжищ отец тебе отвалил, а в пути-то, чуть зазеваешься, ан жулик-то тут как тут; сцапает живым манером да и был таков, – ворчливо, по своему обыкновению, бубнила старая няня, вынырившая не только Шуру, но и её мать, худенькую, хрупкую, всегда чем-то озабоченную и встревоженную женщину.

– Няня права, – проговорил Иван Степанович Струков, – береги хорошенько деньги, Шура, помни: они даром не даются. Не от избытка, к тому же, поделился я ими с тобою, сама знаешь, а чтобы ты имела возможность доехать до места с удобством и не смотреть в руки дяди...

Шура вспыхнула.

– Ах, папочка, не беспокойтесь пожалуйста! Все будет хорошо – вот увидите.

– Каждое первое число по двадцати пяти рублей получать от меня будешь аккуратно: пятнадцать дяде вноси за стол и комнату, а остальные на книги, учебники, на ремонт гардероба и так далее.

– Я скоро перестану брать эти деньги, вот увидите, папочка, потому что обязательно уроки постараюсь найти. Вит вам и легче будет, – улыбаясь, говорила Шура.

– Ладно уж... Лишнее это, как будто... Лучше учись хорошенько да лекции аккуратно посещай, – уже несколько раздраженно проронил Иван Степанович и нервно покрутил седенькую бородку.

Неизгладимые следы долгой и упорной житейской борьбы, забот и усидчивой работы лежали на этом несколько суровом лице преждевременно состарившегося человека. И теперь Струкова неотступно преследовала одна и та же мысль: хорошо ли он сделал, что сдался на просьбу остальных членов семьи, а больше всего самой Шуры отпустить дочь, в сущности

еще совсем ребенка, в далекую столицу. Правда, там Шура будет жить не одна, а в доме его двоюродного брата, который всегда очень хорошо относился к нему, насколько может хорошо относиться важный петроградский сановник к бедному провинциальному родственнику.

Ведь только благодаря приглашению Сергея Васильевича Мальковского поселиться у них в доме, Иван Степанович и рискнул отпустить свою Шуру в столицу на курсы.

Но, тем не менее, старик тревожился за дочь.

– Экая досада, право, что ты не можешь ехать вместе с нею, Евгений, – обратился он к высокому студенту-электротехнику, находившемуся тут же в числе провожавших Шуру и оживленно о чем-то переговаривавшемуся с нею, с её старшей сестрой – Ньютой, служившей машинисткой в Уездном Присутствии, и с их братом, гимназистомлевой, живым темноглазым подростком.

– Да, досадно... Ведь надо же было, как нарочно, расхвораться мамину ревматизму... Пока совсем не поправится, не могут уезжать. Вы, знаете, как она нервничает и страдает во время припадков боли. Грешно было бы ее оставить одну. – И Евгений Николаевич, произнеся все это, снова обратился к Шуре, возобновляя прерванную беседу: – Во всяком случае, через две недели я буду в столице и помогу вам чем сумею. Н уроки, если надо, поищу для вас и в театр пойдем вместе.

– Счастливица, в театр! – восхищенно произнесла Ньюта, высокая бледная девушка с нездоровым цветом лица.

– Ну вот, нашла невидаль – в театр... – вмешался баловень семьи, Лева, – уж если идти, так по-моему в цирк. Там тебе и лошади, и дрессированные животные, и клоуны, и акробаты – чего только душа не попросит.

– Эх и молод же ты, брат... По молодости только и простительно тебе театру предпочитать цирк, – усмехнулся Женя Вяземцев, и его красивое лицо, с благородными чертами и открытым взглядом светлых голубых глаз, снова обратилось к Шуре:

– Так вот, Шура, через две недели весь к вашим услугам, а пока без меня никуда не ходите... Не отнимайте у меня возможности быть вашим гидом... Обойдем прежде всего музей Александра III, Эрмитаж... и...

– Женюшка, – касаясь его рукава худенькой сухой рукой, шепнула Анна Ильинична Струкова студенту, – на пару слов, Женюшка, – и отвела его в сторону.

– Послушай, друг мой, на тебя вся надежда... Я знаю, как ты относишься к нашей девочке и вот, какое тебе за это от меня спасибо... – Тут голос Струковой дрогнул и оборвался, и две крупные слезы повисли и неё на ресницах... – Не даром мы с твоей мамой мечтали, планы строили, небось, сам знаешь какие. С детства вы вместе растете и, кажется мне, крепко привязались друг к другу... Так вот, если ты, действительно сильно любишь мою Шуру, будь снисходителен к ее недостаткам, ведь наша Шура добрая, благородная девочка, и если и легкомысленная немного, то это не такой уж и грех в сущности... Но и легкомысленность ее может бед наделать. Так что ты и помоги ей советом, как старший. Тебе уже двадцать два года, ты опытнее, умнее. Скажи ей на прощание чего там опасаться надо в столице, кого сторониться и вообще... Ты уже прожил год в Петрограде, изучил его достаточно, так вразуми теперь и ее – нашу детку.

– Не беспокойтесь Анна Ильинична, – мягко возразил Евгений Николаевич, – я уже обо всем переговорил с Шурой, и она дала мне слово не предпринимать ничего серьезного, не посоветовавшись со мной. Это решено.

Он хотел прибавить еще что-то, но тут прозвучал второй звонок, и все засуетились и заговорили сразу.

– Чулки светлые у тебя вместе с платками покладены, Шуринька... Да платки-то не потеряй... Новые ведь... И банку-то с вишеньем не разбей ненароком, – волнуясь наказывала няня.

– Когда в цирк попадешь, афишу не выбрасывай, мне пришли в письме непременно, – перекрикивал старушку Лева.

– Пиши почаще, Шура, не ленись, – шепнула Нюта, – не то наши старички, сама знаешь, как волноваться будут.

– Ну, с Богом... Садись в вагон, Евгений тебя проводит до места, одна-то не протеснишься – и обняв еще раз дочь, Струков легонько подтолкнул ее к вагонной площадке.

Но тут к Шуре кинулась Анна Ильинична и еще раз прижала ее к своей груди:

– Молись Богу, Шурочка, детка моя дорогая, не забывай каждый день молиться, и Царица Небесная оградит тебя от всего дурного. Ну, Господь с тобою, иди...

В полумраке вагона Шура едва нашла свое место. Все было битком набито уезжающей публикой.

Евгений Николаевич не без труда усадил девушку между двух каких-то старушек.

– Ну, до скорого свиданья, Шура, помните то, что вы мне обещали вчера, – произнес он, глядя ей прямо в глаза.

Шура вспыхнула и снова, порывисто вскочив с места, быстро взяла своего друга детства за руку и увлекла его за собою в коридор.

Там, у окна, она ему зашептала взволнованным голосом:

– Никогда, Женя, слышите ли, никогда не забуду того, что вы мне вчера говорили в саду. Честное слово. Вы – мой единственный друг и не будет у меня никакого другого друга... И... и... когда мы окончим высшее образование... Да, да... Женя, дорогой мой товарищ, я обещаю вам то же, что обещала вчера...

Евгений Николаевич крепко пожал ее маленькую ручку.

– Спасибо, Шура... Вы знаете, какое для меня счастье ваше слово.

Он не мог больше ничего прибавить от волнения.

Прозвучал третий звонок и юноша едва успел выскочить из вагона.

Шура бросилась в свое отделение и высунулась из окна.

Вот они все здесь, её милые и дорогие: вот папа, её всегда хмурый, суровый по виду, но чрезвычайно благородный душой папа, которого даже дети любят бесконечно, хотя и побаиваются немного... Он снял шляпу, ветер треплет его седые, жидкие волосы... Он что-то говорит, чего уже не слышно за шумом и общими приветствиями и напутствиями уезжающим... Вот мамочкино лицо... милое, кроткое, залитое слезами, – мамочки, их общей любимицы. Вот старушка няня машет руками и кричит что-то, верно, опять о банке, платках и белье.

И усталое лицо Нюты, серьезной, и тихой девушки – уже теперь в двадцать с небольшим лет главной помощницы семьи... И оживленное румяное лицо Левы, отчаянно размахивающего фуражкой. А за ними несколько в отдалении стройная фигура Евгения Николаевича, того самого милого Жени, с которым они играли и дрались в детстве, читали Майн Рида и Жюль Верна в отрочестве и с которым теперь в ранней юности она, Шура, решила связать когда нибудь свою судьбу. Не вдруг и неожиданно пришло это решение. Семья Вяземцевых и Струковых давно мечтали поженить когда-нибудь впоследствии Женю и Шуру. Серьезный, не по летам устойчивый юноша вырос на глазах Анны Ильиничны и Ивана Степановича. И на глазах же у них выросла и окрепла любовь детей, перейдя из детской дружбы в более глубокое и крепкое чувство.

А поезд все ускорял и ускорял ход, отдаляя Шуру от маленькой группы людей, оставшихся на дебаркадере уездного вокзала. Еще немного-и она и вовсе исчезла из вида.

И Шура, усталая и измученная от пережитых впечатлений, опустила на сиденье дивана и предалась своим мечтам.

ГЛАВА II

Дорожные мечты. – Странная особа и её спутница

Поезд шел полным ходом. Колеса выстукивали свой однотонный мотив, а под этот однообразный мотив так хорошо мечталось... Шура с наслаждением откинулась на спинку дивана, прижалась к ней головой и закрыла глаза, не желая рассеивать охвативших ее впечатлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.